

НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Людмила Ивановна ГАЛЛЯМОВА,

доктор исторических наук, заместитель директора по научной работе Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток.
E-mail: Ludagal@mail.ru

Статья посвящена анализу ключевых проблем современной российской историографии Великой Отечественной войны. В развитии историографии отечественной войны 1941—1945 гг. в постсоветский период автор выделяет и анализирует три основных направления: активное расширение источниковой базы, переосмысление официальной концепции истории ВОВ, сформированной традиционной историографией, а также важнейших ключевых проблем и событий войны; постановка новых проблем и вопросов, применение новых методов и формирование новых подходов к изучению событий Великой Отечественной войны и её истории в целом.

Ключевые слова: Россия, современная историография, Великая Отечественная война, СССР, изучение, история, основные направления, источниковая база, ключевые проблемы, новые подходы, новые методы.

New approaches to studying the history of the Great Patriotic War in modern Russian historiography

L. I. Gallyamova. Doctor of Historical Sciences, Deputy Director on Scientific work, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East FEB RAS, Vladivostok.

The article is dedicated to the analysis of key issues of modern Russian historiography of the Great Patriotic War (GPW). The author highlights and analyzes three main streams in the development of historiography of the Great Patriotic War of 1941—1945 in the post Soviet period: active growth of source base, reevaluation of the official concept of GPW' history shaped by the traditional historiography, and also the most important key issues and events of the war; establishment of new problems and questions in studying GPW, usage of new methods and development of new approaches to studying events of the Great Patriotic War and its history as a whole.

Key words: Russia, modern historiography, the Great Patriotic War, USSR, studying, history, basic streams, source base, key issues, new approaches, new methods.

Прошло шесть десятилетий с тех пор, как завершилась Великая Отечественная война 1941—1945 гг. За это время о войне опубликовано множество книг: многотомные обобщающие труды, монографии, исторические очерки, научные статьи, мемуары и дневники, множество ценных публикаций документов. Но война явилась настолько масштабным, глубоким

и разноплановым событием, что изучение её истории сохраняет свою актуальность и поныне. Её обширнейшая историография постоянно пополняется всё новыми исследованиями, и всё же эта война продолжает задавать историкам вопросы, ответить на которые и сегодня достаточно сложно или невозможно.

В постсоветский период исследовательский интерес к истории Великой Отечественной войны особенно обострился, в первую очередь в связи с начавшимся переосмыслением истории России и СССР. В современной отечественной историографии проблема Великой Отечественной войны СССР выдвинулась на одно из главных мест в плане её значимости и актуальности. Наряду с появлением новых книг и статей, ведутся дискуссии и полемика на страницах журналов и в средствах массовой информации, проводятся научные конференции и «круглые столы», посвящённые различным проблемам войны 1941—1945 гг.

В советской историографии изучение проблематики этой войны носило заидеологизированный характер, строго контролировалось структурами КПСС и органами цензуры. На смену единомыслию историков советской эпохи, которое обеспечивалось при помощи тотального политического контроля со стороны правящей партии и всепроникающей цензуры, пришёл плюрализм постсоветской историографии, особенность которого — формирование различных, порой прямо противоположных взглядов на события Великой Отечественной войны, трактовку отдельных её эпизодов и сюжетов, оценку основных этапов и итогов.

Рассматривая в целом особенности развития постсоветской историографии истории Великой Отечественной войны можно выделить три основных направления в этом процессе.

Первое — это активное расширение источниковой базы, которое стало возможным благодаря рассекречиванию архивов и публикации сборников документов. За последние десятилетия проведена значительная работа по введению в научный оборот документальных материалов по истории Великой Отечественной войны, которые извлечены из ранее недоступных широкому кругу исследователей российских архивохранилищ (например, из Президентского архива, а также из архивов силовых ведомств — ФСБ, МО и др.). В частности, было издано несколько десятков сборников документов и материалов Институтом военной истории МО под общей рубрикой «Русский архив: Великая Отечественная» (среди них — «Битва под Москвой» [1], «Генеральный штаб в годы ВОВ» в нескольких книгах [2], «Ставка ВГК: Документы и материалы» в нескольких книгах [3], «Москва прифронтовая. 1941—1942» [4] и т.д.; а также беседы и интервью с видными советскими государственными, военными и политическими деятелями (В.М. Молотов, А.И. Микоян, Л.М. Каганович, П.К. Пономаренко, Г.К. Жуков, А.М. Василевский, С.М. Будённый, И.Х. Баграмян, Н.Г. Кузнецов, А.А. Новиков) [5] и др.

Однако и сегодня историки, занимающиеся военной темой, не получили доступа во многие секретные архивные фонды и не знают важнейших документов, способных пролить свет на многочисленные военные тайны,

непонятные и загадочные события. Например, до сих пор остаются недоступными такие фонды, как фонд Сталина и др. По мнению видных отечественных историков А.Н. Сахарова, Ю.Л. Дьякова, Л.Л. Колодниковой, исследованиям мешает «...всё ещё существующая засекреченность в архивах подавляющего массива документов о войне» [6, с. 7]. Необходимость рассекречивания документов очевидна, ибо каждый документ таит неизвестную правду о войне, о миллионах солдат, погибших или выживших, о судьбах наших соотечественников, творцов подлинной истории.

Второе — переосмысление официальной концепции истории ВОВ, сформированной традиционной историографией, а также важнейших ключевых проблем и событий войны. В постсоветской историографии неослабное внимание уделяется вопросу о причинах ВОВ, до сих пор остаётся актуальным вопрос о сталинском «сценарии» войны против Германии, о трагическом для Красной Армии её начальном периоде. Решением этих проблем занимаются историки М.А. Гареев [7, 8], М.И. Мельтюхов [9], О.В. Вишлёв [10], Л.А. Безыменский [11], Ю.А. Никифоров [12], А.А. Шабаев и С.Н. Михалёв [13] и др. [14, 15, 16, 17].

Современную точку зрения выразил М.И. Мельтюхов, по его мнению, традиционная официальная версия об исключительно оборонительных намерениях СССР в преддверии 22 июня 1941 г. в свете новейших документов, ставших доступными во второй половине 1990-х гг., поставлена под сомнение [9, с. 7]. А.Н. Сахаров также склонен считать, что более правомерной является версия о «...значительной ответственности советского режима за развязывание войны в рамках реализации концепции мировой революции, подготовки сталинского руководства к превентивной войне против Гитлера» [18, с. 18—19].

Мало кто сегодня сомневается в том, что у Сталина было такое намерение. Споры идут лишь в отношении возможных её сроков. Но на основании имеющихся в настоящее время источников и достижений современной российской историографии трудно однозначно утверждать, что Сталин стремился первым напасть на Германию и начать против неё войну. Историки указывают и на другие причины неудачного начала войны. В частности Ф.Б. Комол, анализируя причины создавшегося тяжёлого положения, отмечает, что, во-первых, был допущен просчёт в определении возможного времени нападения на нас гитлеровской Германии; во-вторых, советское руководство неправильно оценило начальный период войны, рассчитывая, что первый удар противника будет остановлен, а затем будут развёрнуты главные силы Красной Армии, которые нанесут ответный сокрушительный удар; в-третьих, был допущен серьёзный просчёт в плане обороны границы; в-четвёртых, организация отпора врагу осложнялась частыми нарушениями управления войсками, а подчас и полной его потерей; в-пятых, одной из причин неудач Красной Армии в начале войны явилось ослабление офицерского корпуса массовыми репрессиями [19, с. 453—457]. Многие современные историки сходятся в одном: имевшийся у советского руководства сценарий грядущей войны не соответствовал ситуации, сложившейся к 22 июня 1941 г., что

стало главной причиной трагических для СССР поражений начального периода вооружённого противоборства с Германией.

В целом проблема «СССР в начальный период Великой Отечественной войны, 1941—1945 гг.» подверглась в российской историографии коренному переосмыслению, что представляется вполне закономерным ввиду практической неразработанности её советскими историками. Работы по данной тематике наиболее критичны, а дискуссия среди исследователей, занимающихся этой проблемой, отличается особой остротой. «Однако, как бы исследователи ни оценивали постфактум, стратегические замыслы Сталина в её преддверии — как наступательные либо как сугубо оборонительные, — пишет В.А. Невежин, — война 1941—1945 гг. была начата Гитлером, и Советский Союз выступал в ней жертвой коварного и сильного агрессора. В этом смысле современная концепция Великой Отечественной войны в большей степени связана традиционными представлениями, сложившимися и устоявшимися в советское время» [20, с. 179]. Большинство советских людей главной своей целью считали необходимость отстоять свою Родину, добиться победы. Именно в таком смысле трактовалась концепция Великой Отечественной войны советской историографией и трактуется историографией постсоветской.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что готовность или неготовность к войне связаны с главным вопросом — о цене, которую заплатил наш народ за Великую Победу. Неготовность к войне, ошибки и просчёты правящей власти оборачивались огромными реальными потерями, понесёнными Красной Армией и в начальный период, и в ходе Великой Отечественной войны. Поэтому так актуален вопрос о цене, которую заплатили народы Советского Союза за Победу над Германией. Тяжелейшие человеческие потери связаны не только с просчётами руководства, но объясняются и другими причинами. Об этом пишет Ю.Л. Дьяков: «...в советской стране десятилетиями отсутствовало само понятие самооценности человеческой жизни. И это обесценивание жизни пришло из послеоктябрьского прошлого, зверств ЧК — этой колоссальной человекоубойной машины, с расстрелов заложников, с «красного террора», с гражданской войны.... Вот где истоки тех чудовищных жертв Великой Отечественной войны, когда жизнь солдата не ставилась ни в грош» [21, с. 80].

Доныне не решена окончательно проблема людских потерь, понесённых советским народом в годы Великой Отечественной войны, хотя во всём мире они подсчитаны достаточно точно. В советское время цифры потерь неоднократно менялись. В работах современных историков данные колеблются от 27 млн. до 42 млн. чел. [21, с. 81; 22, с. 349; 23, с. 25; 24, с. 23—24], разница составляет 10—15 миллионов. Цифра 42 млн. определяется демографическими методами, путём подсчётов [24, с. 23], в связи с этим историки полагают, что в войне 1941—1945 гг. масштабы людских потерь Советского Союза оказались в несколько раз больше, чем других стран, и полные людские потери, скорее всего, не будут подсчитаны никогда [21, с. 82].

И последний очень актуальный вопрос, имеющий огромное, принципиальное значение, вокруг которого ломаются копыта: каковы источники победы? В послевоенной историографии главным источником победы в Отечественной войне был назван великий Сталин и возглавляемая им КПСС; позднее стали считать, что источник победы — социалистический общественный и государственный строй, основа которого — нерушимый союз рабочего класса и крестьянства. В статье «Украденная Победа» историк Г. Бордюгов писал: «В войне действовали две переплетающиеся, но разнородные силы: народ и система. В первый период система оказалась основной силой, правда, малоэффективной. Главной действующей силой сделался народ, выдвинул из своей гущи полководцев, расплатился массовым героизмом, многими и многими жизнями. Каждая сила внесла свой вклад в итог; если сила народная освобождала, то сила системная, идущая вослед, тотчас заключала освобождённых в свои стальные объятия. Так и Победа была перехвачена на финальном этапе. Народ из главной, одухотворённой силы автоматически вернулся в ряд орудий, инструментов. Трагизм в том, что это было почти неизбежно: народ не имел механизма, который помог бы прогнать обанкротившееся правительство в 41-м, не отдать ему Победу в 45-м» [25. 1990, 5 мая].

Исторический опыт показывает, что народ всегда защищает национальные интересы, а не власть. Так было в начале XVII в. и в начале XIX в., когда закреплённый народ разгромил польских, а затем и французских завоевателей. Так случилось и в 1941—1945 гг., когда интересы, цели и задачи народа и правящей политической системы совпали.

Даже принимая во внимание организаторскую роль партии в войне, функционеры которой на самых ответственных и решающих участках фронта и тыла зачастую действовали на совесть, умело и самоотверженно, «...неправомерно отождествлять Победу народа с торжеством ленинских заветов и «мудростью» партии, — подчёркивает Ю.Л. Дьяков. — Победа явилась торжеством народа, вдохновляемого любовью не к партии и правительству, а к родной земле. Ответ на вопрос, почему мы победили, лежит не в русле непроборимости нашего социалистического общественного и государственного строя, не в руководящей роли партии, а в уникальности нашего народа, победившего не благодаря, а вопреки уродливой системе, созданной Лениным» [21, с. 96].

Третье — это постановка новых проблем и вопросов в изучении ВОВ, которые ранее не ставились историками, а также новые методы и подходы к изучению событий Великой Отечественной войны и её истории в целом. В частности, к «белым пятнам» относится острая тема в историографии — военнопленные. Проблема советских военнопленных в отечественной историографии фактически не разрабатывалась, поскольку объективное исследование их судьбы невозможно без анализа государственной политики, а в годы войны эта политика была репрессивной и отличалась жестокостью. Все воюющие страны через Красный Крест помогали своим пленным, и только советская власть отказалась от связи с военнопленными через эту международную организацию, бросив миллионы соотечест-

венников на произвол судьбы. Более того, в декабре 1943 г. СССР прекратил контакты с международным Комитетом Красного Креста (МККК) [21, с. 84]. Отечественная историография и сегодня не может дать ответ о численности военнопленных [26, № 3, с. 87]. На фоне подобного неведения особенно поражает, что немецкие историки посвятили своим военнопленным 22-томную историю, опубликованную в 1962—1974 гг. [27].

В новейшей российской историографии начата разработка таких острых проблем, как коллаборационизм, власовское движение, деятельность Русской Национально-народной армии в Белоруссии и иные формы сотрудничества с противником (И.А. Гилязов, А.В. Окороков, Е.М. Малышева, М.И. Семиряга и др.) [27, 29, 30, 31]. Разработка темы коллаборационизма не ограничивается попыткой изучить его природу и типологию, необходимо исследовать проблему на примере конкретных вооружённых формирований с привлечением данных об участии в них представителей социальных или отдельных этнических групп, населявших СССР. Сделаны первые шаги по пути выяснения побудительных причин, которые заставляли людей, отдельного человека поступить на службу к немцам, морального выбора, перед которым стоял каждый конкретный человек, оказавшийся в числе коллаборационистов, и т.д.

В отечественной историографии впервые стало уделяться внимание истории советского ВПК [32], трудовому вкладу заключённых ГУЛАГа в победу, социальной политике, повседневной жизни различных социальных групп советского населения [33], психологии народных масс и отдельного человека, деятельности Православной церкви [34] и т.д. В последние 10—15 лет можно отметить появление новых подходов, выявившихся в новейшей российской историографии, совершенно в другом ключе стала изучаться глобальная проблема «Человек и война». В предшествующий период историографии Великой Отечественной подавляющее большинство исторических работ о роли человека в войне посвящалось исследованию морально-политического фактора, партийного руководства, агитационно-пропагандистских методов воздействия на массовое сознание и т.д. В результате человек с его реальными мыслями и чувствами, мотивацией поведения и поступками оставался фактически за рамками исторических исследований.

Один из перспективных подходов — изучение менталитета народов России в войне. Это неизученная проблема. «Важным фактором достижения победы явилась в годы войны активная ментальность народов России, — пишет московский историк В.Ф. Зима. — Важнейшая ментальная установка — защита Отечества от внешнего врага — выдвинулась на первый план и проявилась в героизме на фронте и самоотверженном труде в тылу. Отчаяние и уныние преодолевались верой в Победу, надеждой на возвращение отцов и сыновей, на лучшую жизнь. Война оказала сильнейшее воздействие на традиционные черты народного характера, её последствия отразились в сознании последующих поколений россиян» [35, с. 74]. Особенности менталитета россиян, «...формировавшегося в сложных условиях, — подчёркивает Н.Н. Попов, — способствовали

выработке в нём стойкости к военным испытаниям, умения концентрировать свои силы в экстремальных условиях» [36, с. 34].

В последние годы в историографии наблюдается становление нового историко-психологического направления в изучении войны, которое позволяет «глобальную», событийную, во многом обезличенную историю Великой Отечественной войны наполнить жизнью, людьми, их мыслями, чувствами, поступками, сделать её более «человечной». Значительные шаги в изучении историко-психологических аспектов Великой Отечественной войны сделаны Е.С. Сенявской [37, 38, 39].

Таким образом, для современной историографии Великой Отечественной войны характерны расширение проблемного поля исследований, переосмысление многих традиционных оценок и концепций, формирование новых методологических подходов и плюрализм взглядов. Совершенно прав академик А.Н. Сахаров, утверждающий необходимость «...реального научного плюрализма, который возможен и действительно нужен для настоящей исторической науки. На этой основе объективная неидеологизированная история всё шире прокладывает себе дорогу» [17, с. 19]. Поэтому можно с уверенностью сказать, что современная российская историография Великой Отечественной войны находится не в кризисном состоянии, а в поисках выхода из временного застоя, преодолевая идеологические стереотипы и постулаты, характерные для советского периода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Битва под Москвой: документы и материалы. Т. 15 (4—1). М., 1997.
2. Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: документы и материалы. 1941 г. М., 1998. Т. 23; Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: документы и материалы. 1944—1945 гг. М., 2001. Т. 23 (12—13).
3. Ставка ВГК: документы и материалы. 1942 г. М., 1996. Т. 16 (5—2); Ставка ВГК: документы и материалы. 1943 г. М., 1999. Т. 16 (5—3); Ставка ВГК: документы и материалы. 1944—1945 гг. М., 1999. Т. 16 (5—4).
4. Москва прифронтовая. 1941—1942: архивные документы и материалы. М., 2001.
5. Куманев Г.А. Рядом со Сталиным: откровенные свидетельства. М., 2000.
6. Сахаров А.Н., Дьяков Ю.Л., Колодникова Л.Л. Предисловие // Война 1941—1945 годов: современные подходы / отв. ред. А.Н. Сахаров. М.: Наука, 2005. С. 5—14.
7. Гареев М.А. Неоднозначные страницы войны: (Очерки о проблемных вопросах истории Великой Отечественной войны). М., 1995.
8. Гареев М.А. Готовил ли Советский Союз упреждающее нападение на Германию в 1941 году? // Война и политика. 1939—1941. М., 1999. С. 270—279.
9. Мельгухов М.И. Упущенный шанс Сталина: Советский Союз и борьба за Европу: 1939—1941: (Документы. Факты. Суждения). М., 2000.
10. Вишлёв О.В. Накануне 22 июня 1941 года: документальные очерки. М., 2001.
11. Безыменский Л.А. Гитлер и Сталин перед схваткой. М., 2000.
12. Никифоров Ю.А. Дискуссионные проблемы предыстории Великой Отечественной войны в новейшей отечественной историографии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2000.
13. Шабаетов А.А., Михалёв С.Н. Трагедия противостояния: Потери вооружённых сил СССР и Германии в Великой Отечественной войне. М., 2002.

14. Споры вокруг 1941 года: опыт критического осмысления одной дискуссии // Отеч. история. 1994. № 3. С. 3—22.
15. Неизвестная война: Россия XX века. М., 1996.
16. Другая война. 1939—1945. М., 1996.
17. Невежин В.А. Синдром наступательной войны. М., 1997.
18. Сахаров А.Н. О новых подходах в российской исторической науке. 1990-е годы // История и историки, 2002: Историогр. вестн. / отв. ред. А.Н. Сахаров; Ин-т рос. истории. М.: Наука, 2002. С. 3—28.
19. Комал Ф.Б. О некоторых причинах поражения Красной Армии в начале Великой Отечественной войны // Россия в XX веке: судьбы исторической науки. М., 1996. С. 453—460.
20. Невежин В.А. СССР во Второй мировой войне: новейшая российская историография проблемы // Война 1941—1945 годов: современные подходы. М.: Наука, 2005. С. 177—192.
21. Дьяков Ю.Л. Горькое чувство истории: за ошибки власти расплачивается народ // Война 1941—1945 годов: современные подходы... С. 76—100.
22. Куманев Г.А. Подвиг и подлог: Страницы Великой Отечественной войны 1941—1945. М., 2000.
23. Михалёв С.Н. Людские потери в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. // Уроки Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: ист.-филос. проблемы: сб. науч. материалов. Красноярск, 2000. С. 21—26.
24. Рыбаковский Л.Л. Людские потери СССР и России в Великой Отечественной войне. М., 2001.
25. Бордюгов Г. Украденная Победа // Комсомольская правда. 1990, 5 мая.
26. Сафир В.М. Сосчитаем ли мы когда-нибудь безвозвратные потери армии в Великой Отечественной войне? // Воен.-ист. архив. 2001. № 2(18), 3(18). С. 87.
27. Maschke E. (Hg.) Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges. 22. Bande-Munchen, 1962—1974.
28. Гилязов И.А. Военно-политический коллаборационизм тюрко-мусульманских народов СССР в годы Второй мировой войны: дис. ... д.и.н. Казань, 1999.
29. Окороков А.В. Антисоветские формирования в годы Великой Отечественной войны. М., 2000.
30. Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000.
31. Мальшева Е.М. Патриотизм и коллаборационизм в годы Великой Отечественной войны // Война 1941—1945 годов: современные подходы... С. 305—338.
32. Парамонов В.Н. Россия 1941—1945: итоги индустриального развития // Проблемы истории Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: ист.-филос. проблемы: сб. науч. материалов. Красноярск, 2000. С. 3—9.
33. Погребняк А.И. Продовольственные трудности и голод в 1941—1945 гг. // Проблемы истории Великой Отечественной войны 1941—1945 гг... С. 61—64.
34. Голубь П.С. Церковь и государство в годы войны // Уроки Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: ист.-филос. проблемы: сб. науч. материалов. Красноярск, 2000. С. 88—91.
35. Зима В.Ф. Менталитет народов России в войне 1941—1945 гг. // Война 1941—1945 годов: современные подходы... С. 65—75.
36. Попов Н.Н. Человек в российских войнах XX века // Человек и война. Война как явление культуры: материалы междунар. конф. М: АИРО-XX, 2001. С. 35—37.
37. Сенявская Е.С. 1941—1945. Фронтное поколение: Ист.-психол. исследование. М., 1995.
38. Сенявская Е.С. Человек на войне: Ист.-психол. очерки. М., 1997.
39. Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: ист. опыт России. М., 1999.